

ЛИНГВИСТИКА

Ким-Малони А. А., Ковылин С. В.

СТРАТЕГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРЕДИКАТИВНОЙ ПОСЕССИВНОСТИ В СЕЛЬКУПСКИХ ДИАЛЕКТАХ¹

Данная статья посвящена исследованию базовых стратегий формирования предикативной посессивности в селькупских диалектах. Работа является частью типологического проекта, изучающего вербализацию понятия/концепта предикативной посессивности в обско-енисейском языковом ареале. Вслед за Л. Стассеном мы предпочитаем формальные критерии синтаксической реализации обладателя и обладаемого семантическим критериям. Предикативные посессивные конструкции, встречающиеся в языках мира, согласно Л. Стассену, могут быть сведены к пяти синтаксическим моделям. Четыре из них обнаружены в селькупских диалектах, хотя только локативные и генитивные занимают центральную позицию в этой системе, а комитативные и транзитивные модели относятся к периферии:

[обладатель-LOC + V.ех. + обладаемое] (локативная посессивность)

[обладатель-GEN + обладаемое + V.ех.] (генитивная посессивность).

[обладатель + обладаемое-COM.INSTR + V.ех.] (комитативная посессивность).

[обладатель + V.tr. + обладаемое] (транзитивная посессивность).

В заключении отмечается, что в селькупском языке в выражениях 'иметь' подчеркивается обладатель, а предикатом является переходный глагол, в то время, как в выражениях 'принадлежать' подчеркивается обладаемое, а предикат выражен копулой.

Ключевые слова: диалекты селькупского языка, предикативная локативная, генитивная, комитативная, транзитивная посессивность.

1. Введение

Тема выражения посессивности различными языковыми средствами является популярной в современной лингвистике, причем исследования охватывают довольно широкий спектр языков и проблем. Многие работы, в том числе и фундаментальные, касались как общей типологии, так и конкретно отдельных языков или семей (Seiler, 1983; Heine, 1997; Stassen, 2009). Имеется ряд публикаций по посессивности, затрагивающих языки обско-енисейского языкового ареала (Ким, 1986; Nikolaeva, 2003; Хонти, 2008; Фильченко, 2014; Wagner-Nagy, 2014; Ким, Ковылин, 2015; Siegl, 2015; Токмашев, Лемская, 2015; Крюкова, 2015), хотя системное исследование посессивности в бесписьменных языках Сибири еще далеко от завершения.

С синтаксической точки зрения могут быть выделены два вида посессивности: 1) именная ('adnominal'/'attributive'/'phrasal') и 2) предикативная ('predicative'/'sentential') (Zeshan, Perniss, 2008).

Следует отметить, что в именных конструкциях посессивность может быть не главной, а скорее скрытой или предполагаемой информацией предложения (Heine, 1997: 26), а в предикативных конструкциях, наоборот, посессивность является главной информацией. Выражения с именной посессивностью обычно более неопределенные и полисемантические, чем выражения с предикативной посессивностью. Как предполагает Л. Стассен (Stassen, 2009: 27), они охватывают целый спектр отношений, которые не могут реализовываться в конструкциях предикативной посессивности.

¹ Статья подготовлена при поддержке проекта РГНФ 15-04-00406 «Типология категории посессивности языков на материале обско-енисейского ареала».

Б. Хайне (Heine, 1997) и Л. Стассен (Stassen, 2009) построили, хотя и на различных критериях, типологию кодирования посессивных предикативных конструкций в языках мира.

В своей фундаментальной работе по посессивности Б. Хайне выбирает когнитивный подход для объяснения разнообразия посессивных конструкций в языках мира. По его мнению, для выражения такого абстрактного и сложного понятия, как посессивность, человеческая мысль обратилась за помощью к другим концептуальным областям, таким, как локация (местоположение), сопровождение и т.д. Только четыре концептуальных области могут служить источником посессивности: действие (Action), местоположение (Location), сопровождение (Accompaniment) и существование (Existence) (последняя включает генитивные, целевые, источникные, топиковые, эквативные схемы (Heine, 1997: 91).

Л. Стассен, в отличие от Б. Хайне, предпочитает формальный критерий, а не семантический, поэтому строит иную типологию, основанную на синтаксическом кодировании обладателя и обладаемого. Согласно типологии выражения предикативной посессивности Л. Стассена выделяется пять ее основных типов (Stassen, 2013):

1) посессивность выражается при помощи транзитивного глагола «иметь» или схожего глагола, где обладатель является подлежащим, а обладаемое – прямым дополнением (Have-Possession);

2) посессивность выражается при помощи бытийного глагола, где обладатель отмечен маркером локатива или датива, а обладаемое функционирует в роли подлежащего (Locational Possessive);

3) посессивность выражается при помощи бытийного глагола, где обладатель обычно (однако не обязательно) выражен как приименное определение (adnominal modifier) к обладаемому, а последний функционирует в роли подлежащего (Genitive Possessive);

4) посессивность выражается при помощи бытийного глагола, где обладатель маркирован как топик предложения, а обладаемое функционирует в роли подлежащего (Topic Possessive);

5) посессивность выражается при помощи бытийного глагола, где обладатель функционирует в роли подлежащего, а обладаемое сопровождается союзным или комитативным маркером (Conjunctive Possessive).

Безусловно, обе стратегии (Хайне и Стассена) прекрасно обоснованы, надежны, подкреплены объяснениями и теориями. В данной статье мы придерживаемся стратегии Стассена, поскольку мы солидарны с ним в том, что задачи лингвистической типологии состоят в установлении диапазона вариантов формального кодирования семантической/когнитивной области. Таким образом, лингвистическая типология изучает возможные пути реализации семантического содержания морфосинтаксической структуры естественных языков. Совершенно ясно, что при таком мета-теоретическом предположении можно применить лишь формальный критерий для типологических построений (Stassen, 2009: 39–40).

Цель данной работы – рассмотреть, каким образом селькупский язык, относящийся к вымирающим языкам Сибири, не имеющим давних письменных традиций, выражает предикативную посессивность, а это подразумевает анализ синтаксических способов реализации посессивности на уровне предложения. В семантическом плане предполагается рассмотреть не только значения посессивности, но и другие (непосессивные) значения или функции *habeo*-глаголов в соответствующих контекстах.

2. Стратегии предикативной посессивности в диалектах селькупского языка

В селькупском языке, как и в других языках мира, представлены как именные (1), так и предикативные посессивные конструкции (2). Последние преимущественно характеризуются конструкциями с глаголом-связкой.

(1) Центр.Сельк.Нарым. Сказка про Черного царя (Селькупы, Т. 13: 18–347).

tan uđo:-m qoşqa:
1SG.GEN рука-POSS.1SG плохой

‘Моя рука худая’.

(2) Центр.Сельк.Нарым. Три сестры (Селькупы, Т. 42: 154–164, 228–238).

ti:-nan işşo ali e-j-a qa-l-m'e qur?
2DU-LOC2 еще ли быть-PRS-3SG.sub кто-ADJz-INDEF человек

‘У вас еще есть какой-нибудь человек?’

Как отмечает Л. Хонти, уральские языки используют для выражения предикативных посессивных отношений в основном конструкцию с глаголом ‘быть’, но периферически встречается и конструкция со значением ‘иметь’. Это положение распространяется на диалекты селькупского языка (Хонти, 2008).

Рассмотрим на примере селькупского языка, как реализуется система моделей предикативной посессивности, предложенная Л. Стассеном (Stassen, 2013). Из пяти ее основных типов, распространенных в языках мира, в селькупском языке используется четыре стратегии:

1) Посессивность, выражаемая при помощи бытийного глагола, где обладатель отмечен маркером локатива или датива, а обладаемое функционирует в роли подлежащего (Locational Possessive).

А) Юж.Сельк.Ср-об. (Ким, 1986: 161).

pönegese-nan qwe:z-i porgi-t e-j-a.
Пёнегесе-LOC2 железо-ADJz шуба-POSS.3SG есть-PRS-3SG.sub

‘У Пёнегесе железная шуба-его есть’.

2) Посессивность, выражаемая при помощи транзитивного глагола иметь или схожего глагола, где обладатель является подлежащим, а обладаемое – прямым дополнением (Have-Possession).

А) Центр.Сельк.Тым. Сказка Про девочку и собаку (Селькупы, Т. 56: 207).

ne-l-qur qanaq warə-nd-a.
женщина-ADJz-человек собака держать-EVID.PRS-3SG.sub

‘Женщина собаку держит’.

3) Посессивность выражаемая при помощи бытийного глагола, где обладатель обычно выражен как приименное определение (adnominal modifier) к обладаемому, которое функционирует в роли подлежащего (Genitive Possessive).

А) Юж.Сельк.Кет. (Ким, 1986: 158).

tan esse-l ewe-l e-j-an.
2SG.GEN отец-POSS.2SG мать-POSS.1SG есть-EP-3SG.sub

‘У тебя отец-твой, мать-твоя есть’.

4) Посессивность, выражаемая при помощи бытийного глагола, где обладатель функционирует в роли подлежащего, а обладаемое сопровождается “союзным маркером” (Conjunctive Possessive).

А) Центр.Сельк.Тым. (Селькупы, Т. 56: 125).

tan orp-se e-j-and.
2SG сила-COM.INSTR быть-PRS-2SG.sub

‘У тебя сила есть’.

Из представленных четырех стратегий первые две уже анализировались в селькупском языке как самостоятельные предикативные посессивные стратегии (см.: Honti, 2008), в то время как последние две рассматриваются впервые. Перейдем к более подробному рассмотрению каждой из стратегий.

2.1. Локативная посессивность (Locational Possessive)

В центральных, южных и северных диалектах селькупского языка наиболее употребительна модель, где обладатель оформляется маркером локатива, обладаемое часто получает лично-притяжательные показатели, а действие обладания выражается при помощи бытийных глаголов *e-* ‘иметь’ и *čangw-* ‘отсутствовать’. Судя по нашим наблюдениям, основным различием между центральными и южными диалектами селькупского языка, с одной стороны, и северными, с другой, является то, что в центральных и южных диалектах обладатель оформляется маркером локатива напрямую, а в северных диалектах только при помощи послелого *mi-yin* ‘место-LOC’. Помимо этого, в центральных и южных диалектах селькупского языка возможно употребление двух маркеров локатива *-yin* и *-nan*², в то время как в северных только *-yin* (СРДС, 2005: 320). Несмотря на то, что в Селькупско-русском диалектном словаре (СРДС 2005) упоминается, что показатель *-nan* не используется в тымском говоре (центрального диалекта), данные нашего исследования говорят о частом использовании данного маркера в тымских локативных контекстах. В центральных и южных диалектах селькупского языка в локативных предикативных посессивных конструкциях обладатель всегда помечается маркером локатива *-nan*, который употребляется преимущественно с одушевленными объектами. Обработывая записи А. М. Кастрена, Т. Лехтисало отмечает, что показатель *-gan* в северных диалектах употребляется с неодушевленными объектами, в то время как *-nan* – с одушевленными (Castrén & Lehtisalo 1969: 238). Однако на более позднем этапе использование показателя *-nan* в северном диалектном ареале не обнаруживается.

Согласно исследованиям по посессивности А. А. Ким, имя существительное, обозначающее обладаемое, может как принимать, так и не принимать лично-притяжательный суффикс, так как маркировка имени-обладаемого обусловлена определенными семантическими границами: с лично-притяжательными суффиксами употребляются имена родства, анатомическая лексика, названия предметов, тесно связанных с жизнедеятельностью или бытом человека. В остальных случаях оформление имени-обладаемого лично-притяжательным суффиксом обычно не происходит (Ким, 1986: 159). Также встречаются конструкции, где обладатель и обладаемое одновременно маркируются лично-притяжательными показателями. Приведем примеры обладаемого, получающего лично-притяжательные показатели:

(7) Юж.Сельк.Кет. Сказка о пяти братьях (Селькупы, Т. 36: 515–524).

<i>m'eg-naŋ</i>	<i>orum-mi</i>	<i>t'angu-ŋ</i>	<i>s'indat</i>	
1SG.LAT-LOC2	сила-POSS.1SG	отсутствовать-3SG.sub	2PL.ACC	<i>omd-al'dzi-gu!</i>

сесть-TR-INF

‘У меня нет сил-моих вас посадить!’

(8) Сев.Сельк.Турух. (Ким, 1986: 159).

<i>nan</i>	<i>mi-yäq timn'ä-m</i>	<i>e-ŋ-a.</i>	
1SG.GEN	место-LOC	брат-POSS.1SG	быть-PRS-3SG

‘У меня брат-мой есть’.

Примеры обладаемого, используемого без лично-притяжательных показателей:

(9) Центр.Сельк.Вас. Рассказ о своей жизни (Селькупы, Т. 59: 286–307).

<i>na-n-nan</i>	<i>fa</i>	<i>čaborg čangu-y-a.</i>	
1SG-GEN-LOC2	хороший	одежда	отсутствовать-PST-3SG.sub

‘У меня хорошей одежды не было’.

(10) Юж.Сельк.Ср-об. (Ким, 1986: 160).

<i>tab-la-nan</i>	<i>ko'i-k</i>	<i>čobər-la</i>	<i>e-z-at.</i>
3SG-PL-LOC	много-ADV	ягода-PL	быть-PST-3PL

‘У них много ягоды было’.

² За исключением употребления маркера *-nan* в тымском диалекте.

Примеры обладателя и обладаемого, получающего лично-притяжательные показатели:

(11) Центр.Сельк.Вас. (Ким, 1986: 160).

<i>i-nde-nnan</i>	<i>porgi-di</i>	<i>čäŋ-a.</i>
сын-GEN.POSS.2SG	шуба	отсутствовать-3SG.sub

‘У сына-твоего шуба-его отсутствует’.

(12) Юж.Сельк.Ср-об. (Ким, 1986: 161).

<i>au-d-nan</i>	<i>wary</i>	<i>i-t</i>	<i>e-pp-a.</i>
мать-POSS.3SG-LOC2	большой	сын-POSS.3SG	быть-DUR-3SG.sub

‘У матери-его большой сын-ее был’.

Помимо отрицательного бытийного глагола *čangw-* ‘отсутствовать’ в нарымском и частично среднеобском диалектах селькупского языка для выражения предикативной посессивности могут использоваться заимствования из русского – отрицательный бытийный глагол *n'etu-* ‘отсутствовать’ и отрицательный бытийный предикат *n'etu* ‘нету’.

(13) Центр.Сельк.Нарым. Сказка про царевну Марфу (Селькупы, Т. 38: 618–627).

<i>nan-nan</i>	<i>i-m</i>	<i>naj</i>	<i>n'etu-k.</i>
1SG-LOC2	сын-POSS.1SG	даже	отсутствовать-1SG.sub

‘У меня сына-моего даже нет’.

(14) Центр.Сельк.Нарым. Сказка про Черного царя (Селькупы, Т. 13: 18–347).

<i>amde-l-yu-nan</i>	<i>č'ünde-de</i>	<i>n'etu.</i>
сидеть-ADJz-человек-LOC2	лошадь-POSS.3SG	нету

‘У царя лошадей-его нет’.

На основании полученных нами данных по диалектам селькупского языка, напрашивается вывод, что в предикативных посессивных конструкциях бытийный глагол-копула *e-* ‘быть’ может занимать любую позицию, на что также обращали внимание Ш. Купер и Я. Пустаи на основе анализа примеров по нарымскому диалекту (Купер, Пустаи, 1993: 77–78). Очевидно, что данное явление связано с влиянием русского языка, в котором порядок слов в предложении относительно свободный. Однако особо отметим, что во всех проанализированных диалектах селькупского языка, несмотря на вышеизложенные факты, сохраняется тенденция финитного глагола занимать финальную позицию в предложении, характерная для селькупского языка в целом (Прокофьев, 1937: 118).

(15) Центр.Сельк.Нарым. Сказка про человека-быка (Селькупы, Т. 42: 167–183, 239–255).

<i>ama-nan</i>	<i>nagur</i>	<i>kap'ejka-m</i>	<i>e-j-a.</i>
a 1SG-LOC2	три	копейка-POSS.1SG	быть-PRS-3SG.sub

qomde-m.

деньги-POSS.1SG

‘А у меня три копейки-мои денег-моих есть’. (Бытийный глагол занимает последнюю позицию в предложении).

(16) Юж.Сельк.Ср-об. Разбойники (Селькупы, Т. 58: 421–428).

<i>tabi-šta-nan</i>	<i>e-pp-a</i>	<i>sid</i>	<i>ne:-di.</i>
3SG-DU-LOC2	быть-PSTN-3SG.sub	два	дочь-POSS.3DU

‘У них-обоих две дочери-их’. (Бытийный глагол занимает срединную позицию в предложении).

(17) Юж.Сельк.Кет. Бодливая корова (Селькупы, Т. 36: 315–319).

<i>e-s-an</i>	<i>me-nan</i>	<i>siyar,</i>	<i>da</i>	<i>nil'di</i>	<i>amda-ti:-di!</i>
быть-PST-3SG.sub	1PL-LOC2	корова	да	такой	рог-VBLz-PRS.PTCP

‘Была у нас корова, да такая бодливая!’ (Бытийный глагол занимает первую позицию в предложении).

Место расположения отрицательных бытийных глаголов *čangw-* ‘отсутствовать’ и *n'etu-* ‘отсутствовать’, отрицательного бытийного предиката *n'etu* ‘нету’ в подобных предикативных посессивных конструкциях в центральных и южных диалектах также относительно свободное.

(18) Центр.Сельк.Нарым. Сказка про Черного царя (Селькупы, Т. 13: 18–347).

ma-nan tol'ka qajo-m-naj n'etu-w-a.
1SG-LOC2 только что-POSS.1SG-NEG отсутствовать-PRS-3SG.sub

‘У меня только ничего-моего нет’. (Бытийный предикат занимает последнюю позицию в предложении).

(19) Центр.Сельк.Вас. Хозяйка огня (Селькупы, Т. 60: 352–364).

tat čad kudi-n-nan-naj t'ang-a tü
2SG из.за кто-GEN-LOC2-NEG отсутствовать-3SG.sub огонь

‘Из-за тебя ни у кого нет огня’. (Бытийный глагол занимает срединную позицию в предложении).

(20) Центр.Сельк.Нарым. Сказка про Черного царя (Селькупы, Т. 13: 18–347).

č'aj-w-a ma-nan qomde-m.
отсутствовать-PRS -3SG.sub 1SG-LOC2 деньги-POSS.1SG

‘Нет у меня денег-моих’. (Бытийный глагол занимает первую позицию в предложении).

В северных диалектах отмечается более стабильный порядок слов с бытийными глаголами, на основании имеющихся у нас примеров³. Бытийные глаголы занимают финальную позицию в предложении практически во всех примерах. Данный факт может быть свидетельством более архаичной языковой системы селькупского языка, не подвергшейся слишком интенсивному воздействию со стороны русского языка. Однако авторы «Очерков по тазовскому диалекту селькупского языка» (Кузнецова и др., 1980: 354), отмечают, что порядок слов в северных диалектах более свободный, чем засвидетельствованный ранее Г. Н. Прокофьевым⁴.

(21) Сев.Сельк.Елог. (Ким, 1986: 158).

tebə-n mi-γət n'ei-tə e-s(es)-ot'in.
3SG-GEN место-LOC сестра-POSS.3SG быть-PST-3PL

‘У него дочери-его его были’.

(22) Сев.Сельк.Таз. (Ким, 1986: 160).

ima-n mi-qin ira-ti čä:ŋ(p)i-mp-a.
женщина-GEN место-LOC муж-POSS.3SG отсутствовать-PSTN-3SG.sub

‘У женщины мужа-ее не было’.

Отметим ряд отдельных случаев, где обладатель или обладаемое могут опускаться, но подразумеваться из контекста. В данных примерах наблюдается предикативная связь между обладателем и обладаемым, несмотря на эллиптический характер конструкций.

(23) Центр.Сельк.Нарым. Сказка про Черного царя (Селькупы, Т. 13: 18–347).

ma-nan n'etu-w-a.
1SG-LOC2 отсутствовать-PRS-3SG.sub

‘(Ты еще покажи именной перстень). У меня нет (перстня)’.

(24) Центр.Сельк.Вас. Селькупские обычаи (Селькупы, Т. 60: 214–217).

koče-t naj e-j-a.
серьга-POSS.3SG тоже быть-PRS-3SG.sub

‘(У березы тоже волосы есть). Сережки-ее тоже есть (у нее)’.

³ Материалы по северным, центральным и южным диалектам селькупского языка представлены одинаковыми временными рамками (исключение представляют примеры из Т. Лехтисало (материалы экспедиций А. М. Кастрена) датированные более ранним периодом).

⁴ Прокофьев, Г. Н. Селькупский (остяко-самоедский) язык // Языки и письменность народов севера. Ч. I. – Л.: Гос. уч.-пед. изд., 1937. – С. 91–124.

2.1.1. Предикативные именные конструкции (*predicate nominals*)

Помимо участия в выражении предикативной посессивности (25) селькупская копула *e-* ‘быть’ используется также в экзистенциальных (26), локативных (27), предикативных именных конструкциях (28), а также в конструкциях с собственным включением (29) (наблюдается значимое отсутствие копулы) и эквативных конструкциях (30). Все подобные конструкции, на основании схожести часто объединяют в предикативные именные конструкции (*predicate nominals*)⁵ (Payne, 1997: 111).

(25) Сев.Сельк.Таз. (Castrén & Lehtisalo, 1969: 239).

<i>man</i>	<i>ma-gan</i>	<i>okər</i>	<i>atä-m</i>	<i>e-n-a.</i>
1SG	место-LOC	один	олень-POSS.1SG	быть-PRS-3SG.sub

‘У меня один олень-мой есть’.

(26) Центр.Сельк.Вас. В старину, в воде, в лесу черти жили (Селькупы, Т. 61: 176–179).

<i>ir</i>	<i>öt-kit,</i>	<i>mad'o-kit</i>	<i>loyo-n e-j-adit.</i>
давно	вода-LOC1	лес-LOC1	черт-PL быть-PRS-3PL

‘В старину в воде, в лесу черти были’.

(27) Центр.Сельк.Нарым. Диалоги (Селькупы, Т. 34: 115–119).

<i>tew-la</i>	<i>e:-j-a.dət</i>	<i>aŋə-t</i>	<i>čibie-t.</i>
зуб-PL	быть-PRS-3PL	рот-GEN	край-LOC

‘Зубы находятся во рту’.

(28) Юж.Сельк.Кет. Как рукавицы шью (Селькупы, Т. 36: 509–510).

<i>pü</i>	<i>porpə</i>	<i>sow</i>	<i>e-ŋ.</i>
теплый рукавицы	хороший	быть-3SG.sub	

‘Теплые рукавицы – хорошие’.

(29) Центр.Сельк.Нарым. Из жизни женщины (Селькупы, Т. 54: 675–677).

<i>mat</i>	<i>čum-ok.</i>
1SG	селькуп-PRD.1SG

‘Я селькуп’.

(30) Юж.Сельк.Ср-об. Сказка про Идю (Селькупы, Т. 58: 321–327).

<i>mat</i>	<i>tabi-t</i>	<i>az</i>	<i>e:-j-ak.</i>
1SG	3SG-GEN	отец	быть-PRS-1SG.sub

‘Я её отец’.

И. Кларк⁶ отмечает, что экзистенциальные, локативные и посессивные конструкции, которые имеют локативное слово и именное сказуемое (*nominal*), чья позиция обусловлена локативным словом, могут быть объединены под локативными (Clark, 1978, цит. по: Payne, 1997: 122).

Принимая во внимание рассуждения И. Кларка, а также проанализировав данные по центральным и южным диалектам селькупского языка, можно сделать следующий вывод: экзистенциальные и локативные конструкции, где обладатель играет семантическую роль локации, одновременно являются посессивными. Экзистенциальные и локативные конструкции во

⁵ Под экзистенциальными конструкциями понимаются конструкции, предикатирующие существование некой сущности, обычно в некотором заданном месте; под локативными – конструкции, предикатирующие местоположение; под предикативными адъективными конструкциями – конструкции, в которых главное семантическое значение выражено прилагательным; в конструкциях с собственным включением конкретное лицо является частью того, что выражено в именном составном сказуемом; под эквативными конструкциями понимаются конструкции, в которых подлежащее идентично именному сказуемому (Payne, 1997: 111, 112, 114).

⁶ (Clark Eve V. Locational: existential, locative and possessive constructions. In *Universals of Human Language: Vol. IV: Syntax*, ed. by Joseph H. Greenberg: 85–126. Stanford University Press.)

многим схожи, однако во многих языках, между ними выделяется одно существенное различие. В экзистенциальных конструкциях данным, известным является место (локатив), а сообщаемым – предмет (тема). В локативных предложениях, наоборот, исходным пунктом сообщения служит известный говорящему предмет, а сообщаемым – местопребывание этого предмета (Борщев и др., 2007: 2–3). Сравните – посессивная экзистенциальная (26) и посессивная локативная (27) конструкции.

2.2. Транзитивная посессивность (Have-Possession)

В селькупском языке для реализации предикативных посессивных отношений между обладателем и обладаемым используются конструкции с переходным глаголом *wari-* ‘держать’ в значении ‘иметь’. Данная стратегия используется периферийно и, предположительно, является новым явлением. В семантическом плане представленные примеры иллюстрируют отношения отторжимой принадлежности.

(31) Центр.Сельк.Нарым. Диалог (Селькупы, Т. 54: 697).

<i>hara-p</i>	<i>war-ali</i>	<i>ali</i>	<i>a</i>	<i>war-ali,</i>
корова-ACC	держать-2DU	или	NEG	держать-2DU
<i>ali</i>	<i>čang-w-a</i>		<i>hirə?</i>	
или	отсутствовать-PRS-3SG.sub		корова	

‘Корову держите или не держите, или нет коровы?’

(32) Центр.Сельк.Вас. Семь городов (Селькупы, Т. 60: 206–207).

<i>na</i>	<i>meka</i>	<i>paja</i>	<i>kadi-ku-k,</i>	<i>loyo-t</i>	<i>heldi</i>
этот	1SG.LAT	женщина	сказать-НАВ-3SG.sub	черт-PL	семь
<i>kwatče</i>	<i>war-adit.</i>				
город	держать-3PL				

‘Эта женщина мне рассказывала, черти семь городов имеют’.

2.3. Генитивная посессивность (Genitive Possessive)

Данный вид предикативной посессивности ранее отдельно не выделялся. При данной стратегии обладатель выражен как приименное определение к обладаемому, а обладаемое функционирует в роли подлежащего. Действие обладания выражается при помощи бытийных глаголов *e-* ‘иметь’ и *čangw-* ‘отсутствовать’. Обладаемое в большинстве случаев получает лично-притяжательные показатели. Данная стратегия прослеживается во всех диалектных ареалах селькупского языка и является второй по распространенности (после локативной) и может употребляться для выражения как отторжимой, так и неотторжимой принадлежности.

(33) Центр.Сельк.Тым. (Селькупы, Т. 56: 129).

<i>man</i>	<i>man-ma</i>	<i>e-k.</i>
1SG.GEN	дом-POSS.1SG	быть-3SG.sub

‘У меня дом-мой есть’.

(34) Юж.Сельк.Кет. (Ким, 1986: 159).

<i>man</i>	<i>oro-m</i>	<i>t'angu.</i>
1SG.GEN	сила-POSS.1SG	нет

‘У меня силы-моей нет’.

2.4. Комитативная посессивность (Conjunctive Possessive)

Данный вид предикативной посессивности также выделяется впервые на материале селькупского языка. В данной стратегии обладатель функционирует в роли подлежащего, обладаемое сопровождается маркером комитатива-инструменталиса, а обладание выражается при

помощи бытийных глаголов *e-* ‘иметь’ и *čangw-* ‘отсутствовать’⁷. Скорее всего, использование данного вида предикативной посессивности ограничено семантикой конструкции, которая заключается в наличии (или отсутствии) у обладателя какого-либо качества, выступающего в роли обладаемого. Данная стратегия фиксируется во всех диалектах селькупского языка, но является периферийной, так как ограничена определенной семантикой (наличия или отсутствия какого-либо качества у обладателя).

(35) Центр.Сельк.Вас. Васюганские ханты (Селькупы, Т. 61: 205–209).

<i>tabi-t</i>	<i>tar-he</i>	<i>e-j-adit,</i>	<i>amda-he</i>
3SG-PL	шерсть-COM.INSTR	быть-PRS-3PLпог-COM.INSTR	<i>e-j-adit.</i>
быть-PRS-3PL			

‘Они в шерсти с рогами’.

(34) Юж.Сельк.Кет. Как собака себе хозяина искала. (Селькупы, Т. 36: 326–333).

<i>i tumbane</i>	<i>assi</i>	<i>orup-se</i>	<i>e-ŋ.</i>
иволк	NEG	сила-COM.INSTR	быть-3SG.sub

‘И волк не силен’.

3. Выводы

На основании анализа данных по диалектам селькупского языка выделяются четыре стратегии выражения предикативной посессивности по классификации Л. Стассена (2013):

1. Главной стратегией является модель с использованием интранзитивного бытийного глагола, где обладатель отмечен маркером локатива, а обладаемое функционирует в роли подлежащего [обладатель-LOC + V.ex. + обладаемое] (локативная посессивность). Данная модель имеет довольно широкую дистрибуцию и может употребляться в различных семантических контекстах.

2. Второй по распространенности является модель с использованием интранзитивного бытийного глагола, где обладатель выражен как приименное определение к обладаемому, а обладаемое функционирует в роли подлежащего [обладатель-GEN + обладаемое + V.ex.] (генитивная посессивность). Данная модель, как и предыдущая, употребляется для выражения как отторжимой, так и неотторжимой посессивности.

3. На периферии находится модель с использованием интранзитивного бытийного глагола, где обладатель функционирует в роли подлежащего, а обладаемое сопровождается маркером комитатива-инструменталиса [обладатель + обладаемое-COM.INSTR + V.ex.] (комитативная посессивность). Семантика данной конструкции в основном ограничена наличием (или отсутствием) у обладателя какого-либо качества.

4. Еще одной периферийной стратегией является модель с использованием транзитивного глагола, где обладатель является подлежащим, а обладаемое – прямым дополнением [обладатель + V.tr. + обладаемое] (транзитивная посессивность). В семантическом плане данная модель иллюстрирует в основном отношения отторжимой принадлежности. В выражениях со значением ‘иметь’ акцентируется обладатель, а сказуемое выражено транзитивным глаголом; в выражениях ‘принадлежать’ акцентируется обладаемое, которое сочетается со сказуемым-копулой.

Список литературы

Борщев В., Partee В. Бытийные и локативные предложения – что их различает? Тема-рематическая структура или диатеза? Handout – семинар ИПИРАН, 23 марта 2007 г. – 14 с. – URL: http://people.umass.edu/partee/docs/Handout_Borschhev-Partee_IPIRAN.pdf (дата обращения: 03.09.2013).

⁷ Примеров на *čangw-* ‘отсутствовать’ не зафиксировано, но очевидно, что они возможны в рамках данной стратегии.

- Быкопя В. В., Кузнецова Н. Г., Максимова Н. П. Селькупско-русский диалектный словарь. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. – 348 с.
- Вагнер-Надь Б. Посессивные конструкции в нганасанском // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology). – 2014. – Вып. 1 (3). – С. 76–82.
- Глушков С. В., Байдак А. В., Максимова Н. П. Диалекты селькупского языка // Селькупы: Очерки традиционной культуры и селькупского языка : монография. Томский политехнический университет; 2-е изд. испр. и доп. – Томск: Изд-во Том. политех. ун-та, 2013. – С. 49–63.
- Ким А. А. Выражение категории притяжательности в диалектах селькупского языка : дис ... канд. филол. наук. – Томск, 1986. – 205 с.
- Ким-Малони А. А., Ковылин С. В. Таксономия языковых средств выражения посессивности в селькупском языке // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology). – 2015. – Вып. 4 (10). – С. 36–44.
- Купер Шимон, Пустай Янош. Селькупский разговорник (нарымский диалект). Specimina Sibirica. Redigit Janos Pusztay. Tomus 7. – Savariae, 1993.
- Крюкова Е. А. Именные посессивные конструкции в кетском языке // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology). – 2015. – Вып. 4 (10). – С. 55–61.
- Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. – Т. 1. – М.: Изд-во МГУ, 1980. – 411 с.
- Прокофьев Г. Н. Селькупский (остяко-самоедский) язык // Языки и письменность народов севера. Ч. I. Языки и письменность самоедских и финно-угорских народов / под редакцией Г. Н. Прокофьева. – Л.: Гос. уч-пед. изд., 1937. – С. 91–124.
- Сигл Ф. Структура именных групп с референциальным маркированием рх.2р в северно-самодийских языках // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology). – 2015. – Вып. 1 (7). – С. 21–31.
- Селькупы. Т.: С 13, 34, 36, 38, 42, 54, 56, 58–61 // Архив ЛЯНС ТГПУ. – Томск.
- Токмашев Д. М., Лемская В. М. Категория принадлежности в телеутском и чулымско-тюркском языках: именные конструкции // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology). – 2015. – Вып. 4 (10). – С. 24–35.
- Фильченко А. Ю. Посессивные конструкции в восточных диалектах хантыйского языка // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology). – 2014. – Вып. 1 (3). – С. 83–95.
- Castrén M. A. und Lehtisalo T. Samojedische Sprachmaterialien. SUST, Helsinki, 1969.
- Heine Bernd. Possession. Cognitive Sources, Forces, and Grammaticalization. Cambridge Studies in Linguistics 83. – Cambridge University Press, 1997. – 274 p.
- Honti L. 'HABERE' "по-уральски" // Linguistica Uralica. – 2008. – Т. XLIV, № 3. – С. 161–177.
- Nikolaeva I. Possessive affixes as markers of information structuring: Evidence from Uralic // Bernard Comrie and Pirkko Suihkonen (eds.) International Symposium on Deictic Systems and Quantification. Izhevsk, 2003. – URL: <http://ling.uni-konstanz.de/pages/home/nikolaeva/papers/izhevsk.pdf> (Accessed 17 Oktober 2016).
- Payne Thomas E. Describing morphosyntax. A guide for field linguists. University of Oregon and summer Institute of linguistics. – Cambridge University Press, 1997. – 413 p.
- Perniss P. M. & Zeshan U. Possessive and existential constructions: Introduction and overview // Possessive and existential constructions in sign languages Nijmegen: Ishara Press, 2008. – Pp. 1–31.
- Seiler Hansjakob. Possession as an Operation Dimension of Language // Language Universal Series, 2. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1983. – P. 87–107.
- Stassen Leon. Predicative Possession. Oxford University Press, 2009. – 831 p.
- Stassen Leon. Predicative Possession. / Dryer, Matthew S. & Haspelmath, Martin (eds.) // The World Atlas of Language Structures Online. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. (Available online at <http://wals.info/chapter/117>, Accessed on 2016-09-19.)

Условные сокращения диалектов

- Сев.Сельк.Елог. – Северные селькупы, елогуйский диалект;
Сев.Сельк.Таз. – Северные селькупы, тазовский диалект;
Сев.Сельк.Турух. – Северные селькупы, туруханский диалект;
Центр.Сельк.Вас. – Центральные селькупы, васюганский диалект;

Центр.Сельк.Нарым. – Центральные селькупы, нарымский диалект;
Центр.Сельк.Тым. – Центральные селькупы, тымский диалект;
Юж.Сельк.Кет. – Южные селькупы, кетский диалект;
Юж.Сельк.Ср-об. – Южные селькупы, среднеобской диалект.

Условные сокращения глоссов

1 – 1-е лицо;
2 – 2-е лицо;
3 – 3-е лицо;
ACC – аккузатив;
ADJz – адъективайзер;
ADVz – адвербиализатор;
COM.INSTR – комитатив-инструменталис;
DU – двойственное число;
DUR – дуратив;
EP – эпентеза;
EVID – эвиденциальность;
GEN – генитив;
HAB – хабитуальность;
INDEF – неопределенность;
LAT1 – латив;
LOC – локатив;
LOC1 – локатив (для неодушевленных предметов)/местно-временной падеж;
LOC2 – локатив (для одушевленных предметов)/местно-личный падеж;
NEG – отрицание;
ob – объектное спряжение;
PL – множественное число;
POSS – посессивность;
PRD – предикатив;
PRS – настоящее время;
PRS.PTCP – причастие настоящего времени
PST – прошедшее время;
PSTN – прошедшее повествовательное;
SG – единственное число;
sub – субъектное спряжение;
VBLz – вербализатор;
V.ex. – бытийный глагол;
V.tr. – транзитивный глагол.

Ким А. А., доктор филологических наук, профессор.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

Национальный исследовательский Томский государственный университет.

Пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050.

E-mail: alexandrakim@hotmail.com

Ковылин С. В., магистрант

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

E-mail: kovylin.ser@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 10.11.2016

Kim-Malony A. A., Kovylin S. V.

STRATEGIES OF THE PREDICATIVE POSSESSION FORMATION IN SELKUP DIALECTS

This article aims at discovering basic strategies of predicative possession formation in Selkup dialects. It is an integral part of a current typological project that examines the verbalization of the notion/concept of predicative possession in the Ob-Yenisei linguistic area.

After Stassen (2009, 2013), we give prominence to formal criteria based on the syntactic encoding of Possessor and Possessee instead that to semantic ones. According to Stassen, the predicative possessive constructions observed in the languages of the world can be reduced to five syntactic patterns only.

Four construction strategies are found in Selkup dialects although only locational possessive and Genitive possessive occupy the central part in this system while two other strategies belong to the periphery:

[Possessor-LOC + V.ex. + Possessee] (Locational Possessive)

[Possessor-GEN + Possessee + V.ex.] (Genitive Possessive).

[Possessor + Possessee-COM.INSTR + V.ex.] (Conjunctive Possessive).

[Possessor + V.tr. + Possessee] (Have-Possession).

In conclusion, we can state that, in the case of Selkup, in expressions of ‘having’ the Possessor is given emphasis and the predicate is a transitive verb, while in expressions of ‘belonging’ the Possessee is given emphasis and the predicate is copular.

Key words: *dialects of the Selkup language, predicative, locative, genitive comitative, transitive possessive.*

References

- Borshchev B., Partee B. Byitiynye i lokativnyie predlozheniya – chto ih razlichaet? Tema-rematicheskaya struktura ili diateza? [Existential and locative sentences – what differentiates them? Theme-Rheme structure or diathesis?]. Handout – seminar IPIRAN, 23 marta 2007. – 14 s. URL: http://people.umass.edu/partee/docs/Handout_Borschhev-Partee_IPIRAN.pdf (Accessed on: 03.09.2013). (in Russian)
- Bykonya V. V., Kuznetsova N. G., Maksimova N. P. Selkupsko-russkiy dialektnyy slovar. [Selkup-Russian dialect dictionary]. – Tomsk: Izdatelstvo TGPU, 2005. – 348 s. (in Russian)
- Castrén M. A. und Lehtisalo T. Samojedische Sprachmaterialien. – SUJST, Helsinki, 1969.
- Filchenko A. Yu. Posessivnyie konstruksii v vostochnyih dialektah hantiyskogo yazyka [Possessive constructions in eastern Khanty]. // Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. – 2014. – № 1 (3). – P. 83–95. (in Russian)
- Glushkov S. V., Baydak A. V., Maksimova N. P. Dialekty selkupskogo yazyka [Dialects of Selkup]. // Selkupy: Ocherki traditsionnoy kulturyi i selkupskogo yazyka: monografiya. Tomskiy politehnicheskii universitet; 2-e izd. ispr. i dop. – Tomsk: Izd-vo Tomskogo politehnicheskogo universiteta, 2013. – P. 49–63. (in Russian)
- Heine Bernd. Possession. Cognitive Sources, Forces, and Grammaticalization. Cambridge Studies in Linguistics 83. – Cambridge University Press, 1997. – 274 s.
- Honti L. 'HABERE' "по-уральски" // Linguistica Uralica. – 2008. – Vol. XLIV, № 3. – P. 161–177. (in Russian)
- Kim A. A. Vyrazhenie kategorii prityazhatelnosti v dialektah selkupskogo yazyka [Expression of possessive means in Selkup dialects] : dis ... kand. filol. nauk. – Tomsk, 1986. – 205 s. (in Russian)
- Kim-Maloni A. A., Kovyilin S. V. Taksonomiya yazykovyih sredstv vyrazheniya posessivnosti v selkupskom yazyke [Taxonomy of possessive language means in selkup] // Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. – 2015. – № 4 (10). – P. 36–44. (in Russian)
- Kryukova E. A. Imennye posessivnyie konstruksii v ketskom yazyke [Possessive noun constructions in Ket] // Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. – 2015. – № 4 (10). – P. 55–61. (in Russian)
- Kuper Shimon, Pustai Yanosh. Selkupskiy razgovornik (narymskiy dialekt) [Selkup phrasebook (Narym dialect)]. Specimina Sibirica. Redigit Janos Pusztay. Tomus 7. – Savariae, 1993. (in Russian)
- Kuznetsova A. I., Helimskiy E. A., Grushkina E. V. Ocherki po selkupskomu yazyku. Tazovskiy dialekt. Tom 1 [Sketches of the Selkup language. Taz dialect. Tom 1]. – Moskov: Izdatelstvo MGU, 1980. – 411 s. (in Russian)

- Nikolaeva I.* Possessive affixes as markers of information structuring: Evidence from Uralic // Bernard Comrie and Pirkko Suihkonen (eds.) International Symposium on Deictic Systems and Quantification. Izhevsk, 2003. – URL: <http://ling.uni-konstanz.de/pages/home/nikolaeva/papers/izhevsk.pdf> (Accessed 17 Oktober 2016). (in Russian)
- Payne Thomas E.* Describing morphosyntax. A guide for field linguists. University of Oregon and summer Institute of linguistics. – Cambridge University Press, 1997. – 413 s.
- Permiss P. M. & Zeshan U.* Possessive and existential constructions: Introduction and overview // Possessive and existential constructions in sign languages. – Nijmegen: Ishara Press, 2008. – P. 1–31.
- Prokofev G. N.* Selkupskiy (ostyako-samoedskiy) yazyik [Selkup (Ostyak-Samoyedic) language]. // Yazyiki i pismennost narodov severa. Ch. I. Yazyiki i pismennost samoedskih i finno-ugorskih narodov / Ed. G. N. Prokofev. – Leningrad: Gos. uch-ped. izd., 1937. – P. 91–124. (in Russian)
- Seiler Hansjakob.* Possession as an Operation Dimension of Language // Language Universal Series, 2. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1983. – P. 87–107.
- Selkupy [Selkups]. Volumes: C 13, 34, 36, 38, 42, 54, 56, 58-61 // Arhiv LJaNS TGPU [Archiv LLPS TSPU]. – Tomsk.
- Sigl F.* Struktura imennykh grupp s referentsialnym markirovaniem px.2p v severno-samodiyskikh yazyikah [The structure of noun phrases with referential px.2p in northern Samoyedic] // Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. – 2015. – № 1 (7). – P. 21–31. (in Russian)
- Stassen Leon.* Predicative Possession. – Oxford University Press, 2009. – 831 s.
- Stassen Leon.* Predicative Possession. / Dryer, Matthew S. & Haspelmath, Martin (eds.) // The World Atlas of Language Structures Online. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. (Available online at <http://wals.info/chapter/117>, Accessed on 2016.09.19.)
- Tokmashev D. M., Lemskaya V. M.* Kategoriya prinadlezhnosti v teleutskom i chulymsko-tyurkskom yazykah: imennye konstruktсии [Possessive noun constructions in teleut and chulym-turkic] // Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. – 2015. – № 4 (10). – P. 24–35. (in Russian)
- Wagner-Nagy B.* Posessivnyie konstruktсии v nganasanskom [Possessive constructions in Nganasan] // Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. – 2014. – № 1 (3). – P. 76–82. (in Russian)

Kim A. A., doctor filol. nauk, professor.

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

National Research Tomsk State University.

Pr. Lenina, 36, Tomsk, 634050.

E-mail: alexandrakim@hotmail.com

Kovylin S. V., magistrant.

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: kovylin.ser@yandex.ru